

Арсений КАЛАЧЕВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (региональные тенденции в конце XX – начале XXI в.)

Статья посвящена специфике развития отечественной партийной системы в конце XX – начале XXI в. Данные процессы анализируются на основе опыта Нижегородской обл. – региона, являющегося развитым в политическом, промышленном и культурном отношении.

The article is devoted to features of development of domestic party system in the end of the 20th – at the beginning of the 21st century. These processes are analyzed on the basis of experience of the Nizhny Novgorod region which is being developed in political, industrial and cultural aspects.

Ключевые слова:

партийная система, постсоветский период, Нижегородская область, политическая конкуренция, выборы; party system, post-Soviet period, Nizhny Novgorod region, political competition, elections.

Продолжающиеся активные преобразования законодательства о политических партиях в современной России, а также различные электоральные, организационные и функциональные проблемы деятельности политических партий требуют постоянного политологического анализа. На примере партийной политической активности в Нижегородской обл. нами предпринята попытка выявления актуальных тенденций и процессов, ранее концептуально описанных в работах других авторов¹.

Прежде всего, представляется целесообразным затронуть вопрос о периодизации развития отечественной партийной системы в 1980–2010 гг. Отметим, что среди исследователей не существует единого мнения по данной проблеме. По Нижегородской обл. периодизация регионального политического процесса, связанная с трансформациями региональной политической элиты, дана А.В. Дахиным². С учетом этого подхода и в целях большего учета особенностей федерального политического процесса в этой статье мы будем опираться на периодизацию, предложенную Т.Н. Жокиной, которая применительно к периоду до 2001 г. выделяет 3 этапа в истории современной российской многопартийности.

1. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. – кризис советской однопартийности, становление и развитие неформальных общественных организаций, действие «народных фронтов» и протопартийных структур.

2. Конец 1991 г. – первая половина 1993 г. – образование политических партий, период кризиса и конфронтации.

3. Сентябрь 1993 г. – первая половина 2001 г. – относительная стабилизация функционирования и развития политических пар-

КАЛАЧЕВ

Арсений
Павлович –
аспирант
Нижегородского
института
управления –
филиала РАНХиГС

¹ Дахин А.В., Распопов Н.П. Проблема региональной стратификации в современной России // Полис, 1998, № 4, с. 132–144; Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука, 2003, № 3, с. 86–120.

² Дахин А.В. Трансформация административно-политической элиты и становление политической конкуренции в регионе в 1991–2005 гг. // Регионология, 2012, № 1, с. 20–32; он же. Трансформация региональных элит на примере Нижегородской области // Полис, 2003, № 4, с. 108–119.

тий¹. Соответственно, по нашему мнению, с 2001 по 2011 г. можно вести речь о 4-м этапе развития отечественной многопартийности. Для него характерно большее по сравнению с прежними периодами вмешательство государства в функционирование политических партий, а также активное применение последними технологии франчайзинга. С принятия поправок в законодательство, упрощающих процедуру регистрации политических партий, в 2012 г. начался 5-й этап, для которого характерны рост числа политических партий и, соответственно, изменение структуры электоральных предвыборных странств регионов.

В Нижегородской обл., как и в большинстве других российских регионов, основная масса первичных политических объединений конца 1980-х — начала 1990-х гг. формировалась путем самоорганизации. Они зарождались в результате инициативы групп граждан и изначально функционировали в качестве различного рода неформальных объединений (народных фронтов, клубов гражданских и правовых инициатив и т.д.), а затем в процессе своего развития эволюционировали к организационной форме политической партии. Их общими признаками была слабая организационная устойчивость, значительное влияние фактора межличностных отношений на организационное единство партии и высокая степень персонификации курса партии в имидже ее лидера. По сути, это были идеологические клубы, в которых политически активная часть общества видела средство реализации собственных политических убеждений, отличных от официальной точки зрения².

Упомянем также, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. существовали в основном два непосредственных побудительных мотива партийного строительства. Преобладала ориентация на популярных политических лидеров, когда принадлежность к той или иной партии определялась в соответствии с личностными симпатиями или антипатиями. Единство ценностных ориентаций, привержен-

ность определенной системе взглядов или идейно-политическому течению можно охарактеризовать как мотив, имеющий вторичное значение.

Именно поэтому многие политические партии, сформировавшиеся в последние годы перестройки и в постперестроечной России (то есть, на 1-м и 2-м этапах развития российской многопартийности), можно охарактеризовать как клиентелы, образованные политически активными индивидами, обладающими минимальным уровнем социальности и сгруппированными вокруг популярных политических лидеров. Управленческие структуры партий такого рода также формировались по принципу клиентелы: статус того или иного члена руководящего ядра партии зависел от личного отношения лидера и степени расположения по отношению к кому или чему-либо³.

Причинами появления новых политических партий становились также стремление региональных политиков принять участие в выборах и необходимость организационной консолидации сторонников в целях реализации сугубо корпоративных интересов в рамках региональных legislatur. Образование политических партий в современной России в основном осуществляется двумя способами: реже — путем самоорганизации «снизу», как правило — в результате предварительного конструирования структуры политической организации «сверху».

Таким образом, можно утверждать, что партийная система стала реально складываться в регионе лишь тогда, когда в этот процесс включились по-настоящему влиятельные региональные политики — Б.Е. Немцов, И.П. Скляр, Д.И. Бедняков, С.В. Кириенко и др. Это произошло уже ближе к концу 1990-х гг., т.е. на 3-м этапе развития отечественной партийной системы. До этого политические партии во всем их многообразии были далеко не самыми значимыми акторами политического процесса, уступая группам интересов в структурах исполнительной ветви власти, финансово-промышленным группам и криминальным структурам. Мало того, опыт ряда выборных кампаний 1990-х гг. показал, что для завоевания

¹ Жокина Т.Н. Российские партии в современной политической системе: федеральный и региональный аспекты институционализации : дис. ...к.полит.н.: 23.00.02. — Воронеж, 2009, с. 47.

² Шашкова Я.Ю. Российский партогенез конца XX — начала XXI вв.: проблема периодизации // Вестник Томского государственного университета, 2010, № 5, с. 45.

³ Оськин С.А. Особенности партийного строительства в современной России // Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы, СПб., 2006, № 3, с. 20.

симпатий избирателей партийная принадлежность не являлась обязательным атрибутом. (Особенно наглядно это продемонстрировали выборы главы областного центра 29 марта 1998 г., когда преимущество беспартийных кандидатов по отношению к главам региональных отделений двух партий, имеющих в активе победы на выборах по партийным спискам, было подавляющим.) Еще один характерный пример: во второй половине 1990-х гг. в Нижегородском ОЗС не было депутатов, баллотировавшихся в качестве представителей политических партий¹.

Наиболее популярные и влиятельные политики региона — от представителей власти до ушедших в непримиримую оппозицию (как, например, А.А. Климентьев) — не ассоциировались с какими-либо партийными структурами, даже если и были к ним причастны (есть, например, сведения, что Б.Е. Немцов на рубеже 1980-х — 1990-х гг. являлся членом Российского христианско-демократического союза — РХДД², однако весьма немногие нижегородцы связывали главу региона с этой далеко не самой влиятельной структурой). Иначе говоря, ввиду необязательности членства в какой-либо партийной структуре наиболее влиятельные политики регионального масштаба дистанцировались от партийных структур, а побед на выборах разного уровня добывались за счет иных ресурсов. Партийным структурам в регионе оказалось нечего предложить перспективным политикам, кроме решения вопросов электоральной мобилизации. А в остальном партии вели некое параллельное существование в тени самостоятельной политической деятельности лидера, чиновника, лоббиста.

Представляется, что слабость партийных структур региона 1990-х гг. отчасти объясняется тем, что региональная исполнительная власть, и прежде всего Б.Е. Немцов, оказались чуждыми партийному строительству. Впрочем, в этом плане губернатор Немцов во многом следовал примеру президента России Б.Н. Ельцина, который

так же не стремился связывать себя «партийными узами» с демократическим движением, но старался занять позицию «над схваткой». Кроме того, в Нижегородской обл., так же как и в стране в целом, был фактически взят курс на мирный переход властных рычагов от советской партийно-хозяйственной номенклатуры к новой власти. В этой связи часть прежней номенклатуры (либо умеренная по своим коммунистическим взглядам, либо же откровенно безыдейная) оказалась востребованной новой властью для решения рутинных хозяйственных задач (И.П. Скляров и др.), а кадры, которые можно было призвать из вчерашнего неформалитета, выполняли функции интеллектуального или информационного сопровождения действий власти (В.Д. Козлов, В.И. Лысов и др.). Нельзя также не отметить, что демократ Б.Е. Немцов оказался не чужд авторитарного стиля управления, в связи с чем ему оказалось проще опереться на поддержку безыдейных карьеристов, нежели на идейных демократов из «Демократического выбора России», «Демократической России», «Демократического союза» и Движения демократических реформ. Указанное обстоятельство способствовало превращению видных гражданских активистов конца 1980-х — начала 1990-х гг. в политических маргиналов и фактическому вытеснению большей их части на периферию политической системы региона к концу 1990-х гг.

Можно согласиться с уральскими исследователями Л.С. Вагиной и И.А. Удовиченко, писавшими, что слабость региональной партийной системы в постсоветское время объяснялась следующими факторами:

— наследием антигражданственной культуры советского времени (атомизация общества);

— отсутствием социальных навыков и подготовленных элит, необходимых для самостоятельной общественно-политической организации;

— недостатком материальных ресурсов, необходимых для общественной самоорганизации;

— противоречивостью и кратковременностью периода демократизации и, как следствие, сравнительно неблагоприятным для успешной самоорганизации институциональным фоном (сверхпрезидентская система, слабый парламент,

¹ С миру по нитке — Лебедь в облаках. Беседа корреспондента газеты «Город и горожане» Георгия Родионова с руководителем Нижегородской региональной организации НРПР Евгением Сабашниковым // Город и горожане, Н. Новгород, 1998, 25 июня, с. 4.

² Бунин И., Венедиктов П., Макаренко Б. Борис Немцов: вчера, сегодня, завтра // Нижегородские новости, 1998, 17 марта, с. 2.

бюрократизация, групповая ориентация и сравнительная некомпетентность средств массовой информации и т.п.);

– социокультурной деградацией российского общества (углубляющийся кризис общественной солидарности) на фоне социально-экономической поляризации, развития олигархического капитализма и коррупции, опережающего (по сравнению с центром) продвижения в авторитарном направлении и отсутствия в большинстве случаев в рамках региональных режимов спроса на партии как инструмент консолидации власти региональных лидеров и элитных групп (кланов)¹.

В условиях отсутствия полноценного гражданского общества, правового беспредела и хаотично меняющейся экономики политические партии в большинстве своем были обречены на превращение в клиентелы отдельных политиков. Быстрая трансформация их в политические институты, аналогичные тем, что действуют в странах Запада, была невозможна. В условиях формальной институционализации политических партий (вернее, того, что именовалось таковыми в РФ в 1990-е гг.) многие политические акторы (представители бизнес-элиты или региональных элит, отраслевые лоббисты) вынуждены были принимать участие в партстроительстве, навязывая при этом свои правила политической игры, как формальные, так и неформальные.

Не обойдем вниманием еще одно обстоятельство: большинство российских партий изучаемого нами периода строились сверху вниз, а не наоборот. В результате даже лидеры нижегородских региональных отделений партий оказывались вне проходной части партийных списков на выборах, в то время как весьма неоднозначные персоны становились депутатами парламента. Так, например, у нас нет никаких сомнений в том, что глава регионального отделения ЛДПР 1990-х И.Л. Велетминский мог стать ничуть не худшим депутатом, нежели охранник В.В. Жириновского (А. Курдюмов), однако мнение партийного лидера при формировании списка на выборах было решающим, в связи с чем,

несмотря на весьма высокий результат ЛДПР на выборах в декабре 1993 г. (более 18%), лидер нижегородского регионального отделения этой партии не прошел в Государственную думу.

Отметим также, что в Нижегородской обл. сложилось отделение лишь одной партии, которую следует однозначно считать массовой. Речь идет о КПРФ, которая сумела использовать часть ресурсов, оставшихся от КПСС. Остальные же партии в результате их деятельности в регионе скорее следует отнести к кадровым, хотя далеко не все они были созданы в рамках парламента. Часть партий по результатам их деятельности в регионе в 1990-х гг. вполне уместно отнести к «всеохватным» – в первую очередь, с нашей точки зрения, это касается ЛДПР и Народно-республиканской партии. В конце 1990-х гг. в регионе появляются отделения картельных партий. К таковым, прежде всего, следует причислить такие структуры, как «Отечество – вся Россия» и «Единство».

В результате всех политических трансформаций второй половины 1980-х – конца 1990-х гг. в регионе сложилось конкурентное политическое пространство, в котором действовали как региональные, так и федеральные политические партии разного типа. Основная особенность состояла в том, что партийные структуры, имея в своей основе привязку к той или иной группе влияния (идеологического, административного или финансового) и ее лидеру, отражали структуру основных отношений конкурирующих политических акторов. В этой ситуации конкурентные отношения – будь то по вопросам идеологии или экономики – достаточно адекватно отражались в структуре конкурентных отношений региональных партий. Накал межпартийной конкуренции в предвыборные периоды вполне отражал накал противоречий или конфликтности интересов соответствующих влиятельных групп. Внутрипартийная конкуренция почти отсутствовала: партии изначально строились «под лидера». Жесткость политической конкуренции в сочетании с недобросовестностью привела к массовому применению «грязных технологий», мишенью которых становились политические лидеры. При этом политическая смерть лидера приводила также к политической гибели региональной партии.

¹ Удовиченко И.А., Вагина Л.С. Партийная система как компонент региональных режимов в постсоветской России (на примере Оренбургской области) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии, 2010, № 11, с. 111–112.